Вопросы эпиграфики

Ответственный редактор кандидат исторических наук А. Г. Авдеев

Выпуск VII
Часть 1

Материалы I Международной конференции «Вопросы эпиграфики»

Университет
Дмитрия Пожарского

2013

Печатается по решению Учёного совета
Университета Дмитрия Пожарского

Редколлегия:
А. Г. Авдеев (к.и.н., доцент, ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал») (ответственный редактор), Л. А. Беляев (д.и.н., институт Археологии РАН), А. Ю. Виноградов (к.и.н., доцент, Исторический факультет НУ-ВШЭ), А. А. Гиппиус (член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН), Д. В. Деопик (д.и.н., профессор, Институт Стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова), И. В. Зайцев (д.и.н., Институт востоковедения РАН), Е. Н. Козловцева (к.и.н., доцент, ПСТГУ), С. М. Михеев (к.и.н., ст. научн. сотр., Институт славяноведения РАН), Т. В. Рождественская (д.филол.н., профессор, СПбГУ), М. Ю. Ульянов (к.и.н., доцент, заведующий кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова)

Технический секретарь: к.и.н. И. В. Максимова
Корректор: к. филол. н. О. А. Горелова

Электронный адрес издания: epigraphique@mail.ru

Editorial staff:
A. G. Avdeev (Ph.D. in history, associate professor, Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, University of Dmitry Pozharsky, boarding school "Intellektual") (associate editor), L. A. Belyaev (DPh. Doctor in History, Institute of Archeology, RAS), D. V. Deopik (DPh., Doctor of History, Full professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University), A. A. Gippius (corresponding member RAS, Institute of Slavic Studies, RAS), E. N. Kozlovtzeva (Ph.D. in History, associate professor, Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities), S. M. Mikheev (Ph.D. in History, seniour research fellow of the Institute of Slavic Studies, RAS), T. V. Rozhdestvenskaja (DPh., Doctor of Philologia, Full professor, St. Petersburg State University) M. Yu. Ulianov (Ph.D. in History, associate professor, head of the Department of Chinese philology at the Institute of Asia and Africa of Lomonosov Moscow State University), A. Yu. Vinogradov (Ph.D. History, associate professor of the History Faculty, National Research University "Higher School of Economics"), I. V. Zaytsev (DPh., Doctor of History, research fellow of the Institute of Oriental Studies RAS),

Clerical secretary: Ph.D. in history I. V. Maximova
The proof-reader: Ph.D. in philology O. A. Gorelova

E-mail address of the edition: epigraphique@mail.ru

Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Часть 1. [Сб. ст.] / Университет Дмитрия Пожарского / Отв. ред. А. Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. 2013. — 688 с.

ISBN 978-5-91244-116-5 (часть 1)

Первый выпуск сборника, составленного на основе материалов I Международной конференции «Вопросы эпиграфики», состоит из трёх разделов. Первый раздел посвящён эпиграфике Востока. Во втором разделе публикуются статьи по античной эпиграфике. Третий раздел посвящён эпиграфике доколумбовой Америки. В приложении даны краткие сведения об авторах и список сокращений.

ISBN 978-5-91244-116-5 (часть 1)

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013

Эпиграфика древней Японии (VIII в.)

С. А. Родин

В данной статье рассматривается вопрос распространённости и функционирования эпиграфики в Японии VIII в. Данные хронологические рамки охватывают несколько периодов японской истории, выделяемой учёными: Асука (592–710 гг.), Нара (710–794 гг.) и частично Хэйан (794–1185 гг.), однако эта периодизация, основанная на местоположении столицы Японии в то или иное время, носит несколько условный характер — переход от одного периода к другому не всегда сопровождался системными изменениями социальных и культурных процессов, в том числе процесса информационного обмена, материальным свидетельством интенсивности которого могут служить данные эпиграфики.

Разумеется, эпиграфические источники появляются в Японии гораздо раньше VIII в., однако в обозначенный период, в отличие от более раннего времени, они носят массовый, а не единичный характер и охватывают значительно бóльшую территорию. В VIII в. происходит формирование и развитие т. н. «рицурё кокка», «государства, основанного на законах» — государственности с мощным бюрократическим аппаратом, осуществлявшим контроль над политическими и социальными процессами на подведомственной территории. Особую значимость для управления государством получает письменность. Некоторые формы и виды эпиграфики, известные ранее, получают наиболее широкое распространение, некоторые же, напротив, утрачивают свою актуальность.

К ранним образцам эпиграфики, найденным на территории Японского архипелага, относятся надписи на зеркалах и мечах. Надписи на бронзовых зеркалах часто содержали заклинательные тексты, связанные с представлениями о зеркале как модели солнца («Если солнце будет светить, то в Поднебесной будет очень светло»)[1]. Первые зеркала подобного рода были произведены в Китае, затем на

[1] Цит. по: *Мещёряков А. Н., Грачёв М. В*. История древней Японии. СПб., 2002. С. 104.

Корейском полуострове. О собственно японских зеркалах позволительно говорить со II–III вв. н.э., однако, поскольку письменность среди протояпонцев на тот момент распространения не получила, часто надпись, содержавшаяся на китайском образце, копировалась с ошибками и, возможно, сам текст воспринимался как элемент орнаментации.

Исследование надписей на зеркалах позволяет внести определённую долю ясности в ряд спорных вопросов, связанных с историей японской древности. Так, например, до сих пор не выработано единого мнения относительно существования «государства» Яматай и его правительницы Химико, упомянутых в китайской хронике «Вэй чжи» (предположительно 297 г.)[2]. Анализ данных текста не привёл к убедительным результатам[3], однако обнаружение и исследование т. н. «зеркал Химико» позволило сдвинуть проблему с мёртвой точки. Согласно свидетельству «Вэй чжи», в 238 г. Химико получила от Китая бронзовые зеркала в качестве инвеституры. К настоящему моменту найдено 9 артефактов, относящихся к описанному в хронике периоду и содержащих надписи и датировки, позволяющие связать их с фигурой правительницы «государства» Яматай[4]. И хотя первая находка была сделана ещё в 1888 г., серьёзное их изучение началось лишь во второй половине XX в., когда археологи получили разрешение на раскопки некоторых «императорских» курганов древности[5]. Все «зеркала Химико» имеют датировки по китайским девизам правления[6], в них упоминаются китайские топонимы и антропонимы. Надписи на некоторых зеркалах, найденных в разных курганах, полностью идентичны. Отдельные надписи, очевидно,

---

[2] Англоязычный перевод фрагмента хроники, посвящённого Яматай и Химико см. в: History of the Kingdom of Wei (Wei zhi) / transl. by Ryusaku Tsunoda // Sources of Japanese Tradition. Columbia University Press, 2001, P. 6.; анализ данных хроники см., например: *Родин С. А*. Политическая культура // История японской культуры. М., 2011. С. 13.

[3] См., напр.: *Edwards W*. In Pursuit of Himiko. Postwar Archaeology and the Location of Yamatai // Monumenta Nipponica. 1996. Vol. 51. № 1. P. 78.

[4] Подробный анализ надписей на «зеркалах Химико» см. в: Маёи-но кагами. Химико-но кагами то кэйсё ёнэн мэйкё. Кёто, 1990.

[5] Подробнее см., например: *Edwards W*. Contested Access: the Imperial Tombs in the Postwar Period // Journal of Japanese Studies. 2000. Vol. 26. № 2. P. 371–392.

[6] Два зеркала датированы по девизам правления, принятым в царстве У (222–280 гг.), семь зеркал датированы по девизам правления царства Вэй (220–266 гг.).

представляют собой сокращённый вариант исходного текста, представленного в полной версии на других артефактах данной категории. Большинство надписей, помимо датировки, содержат следующую информацию: место изготовления зеркала, имя мастера, а также благопожелание или заклинание, гарантирующее долголетие и высокое положение в обществе[7] как самому обладателю зеркала, так и его детям и внукам. Находка «зеркал Химико» стала новой вехой на пути верификации данных хроники «Вэй чжи», а также послужила важным источником по истории формирования институтов власти на территории Японии и отношениям между материком и архипелагом.

Надписи на мечах, также представлявших собой, по всей видимости, инвеституру, крайне малочисленны и являются скорее исключением, однако это не умаляет их значимости как исторического источника. Как и зеркала, бронзовые мечи с надписями находят в курганах. Большинство подобных артефактов относятся к V в. Если надписи на зеркалах писались по-китайски и отражали материковые реалии, то надписи на мечах свидетельствуют об адаптации китайской письменности на архипелаге и содержат информацию о социальном устройстве протогосударственных образований Японии. Самым известным артефактом данной категории является меч из Инарияма (471 или 531 г.), найденный в 1978 г[8]. В надписи из 115 иероглифов упомянут правитель Вакатакэру, отождествляемый исследователями с государем Юряку (456–479 гг.), данные о котором содержатся в японских хрониках, в частности, «Нихон сёки» (720 г.). Вакатакэру назван окими («великий ван»). Данным титулом именовались управители земель, подчинённые китайскому императору. Однако выводы о характере отношений между Китаем и Ямато (Японией) из этих данных сделать затруднительно — надпись изобилует кореизмами. Главным «героем» текста предстаёт некий Вовакэ-но Оми, чья семья «многие поколения» служила главой меченосцев. Сам же Вовакэ «помогал управлять Поднебесной» Вакатакэру, когда тот находился во дворце Сики. Примечательно

[7] Обладателю зеркала гарантируется должность одного из «трёх хоу», «министров», существовавшая в Китае и отсутствовавшая в протогосударственных образованиях на Японском архипелаге.

[8] *Мещёряков А. Н., Грачёв М. В.* История древней Японии… С. 106.

употребление китайского термина «Поднебесная» применительно к Ямато, что указывает на ориентированность протояпонской культуры на усвоение материковой традиции. Поимённое указание нескольких поколений родственников Вовакэ говорит о развитом культе предков, важности прецедента и традиции, направленной не на нововведение, но на воспроизведение. Также видно, что властные полномочия передавались от отца к сыну, а исполнение определённых обязанностей (в данном случае — военных) возлагалось на определённый род. Меч, скорее всего, служил в качестве инвеституры, жаловавшейся правителем своим высокопоставленным подчинённым и обозначавшей особые привилегии. Ещё одним значимым моментом, содержащимся в тексте меча из Инарияма, является указание местоположения дворца правителя Ямато. У этого государственного образования не было постоянной столицы. Каждый новый правитель сооружал собственный дворец.

Помимо меча из Инарияма, известна также надпись на мече из кургана Эта-Фунаяма, обнаруженном в 1873 г. Ввиду плохой сохранности текста, адекватное его восстановление, прочтение и интерпретация стали возможными лишь после находки меча из Инарияма. Некоторые надписи подтверждают гипотезу о мече как инвеституре. Так, например, на мече из Инаридай Итигофун (сер. V в.), найденном в 1976 г., имеется сообщение о том, что он «пожалован правителем». Также находки надписей на мечах указывают на значительные масштабы государственного образования, простиравшегося от равнины Канто на острове Хонсю на северо-востоке до Кюсю на юго-западе[9].

Не умаляя значения надписей на зеркалах и мечах для реконструкции истории древней Японии, следует, однако, отметить, что данные источники крайне малочисленны. О настоящем «буме» использования эпиграфики можно говорить лишь со второй четверти VII в. — этим временем датируется появление наиболее массового типа эпиграфических источников, найденных в Японии, — *моккан* (木簡, досл. «деревянная дощечка»). Объектом пристального внимания и изучения японские *моккан* стали совсем недавно — после

[9] Подробнее про меч из Инарияма см.: *Мещёряков А. Н., Грачёв М. В*. История древней Японии… С.128; *Родин С. А*. Политическая культура… С. 14–16.

массового их обнаружения в 1961 г. при раскопках Нара, первой постоянной японской столицы[10]. До того момента *моккан* попросту не привлекались для исторических изысканий, хотя 30 образцов данного типа эпиграфики хранились в Сёсоин, Императорской сокровищнице. С 1961 по 1996 гг. было обнаружено более 200000 *моккан*, а к настоящему времени эта цифра увеличилась вдвое. Японские *моккан* имеют китайские корни. В Китае материалом для подобных дощечек служил бамбук, и назывались они *чжуцзянь* (竹簡, яп. *тикукан*, «бамбуковая дощечка»). Размер *чжуцзянь* был стандартным: 1–2 см в ширину и около 27 см в длину. Текст наносился в одну строку. В верхней и нижней части дощечек имелись отверстия, через которые продевалась нить, «сброшюровывавшая» несколько *чжуцзянь*, если сообщение не помещалось на одной[11]. К моменту распространения данного типа эпиграфики в Японии, в Китае он уже утратил свою актуальность, уступив место бумаге. Японские *моккан* отличаются от китайских прототипов. Основным материалом для *моккан* служил не бамбук, но древесина японского кипариса (яп. *хиноки*), реже — криптомерии (яп. *суги*). Размеры *моккан* не имели единого стандарта: хотя большинство найденных дощечек — не более 5 см в ширину и 20 см в длину, отдельные *моккан* гораздо крупнее — порядка 40 см в длину. «Рекордсменом» на данный момент является *моккан*, обнаруженный при раскопках стоянки Камо в префектуре Сига, — 164 см в длину[12]. Сообщения могли записываться с двух сторон дощечки, текст — если требовалось — наносился в несколько строк. *Моккан* не брошюровались. Сообщений, переходящих с одной дощечки на другую, не обнаружено[13]. Массовость *моккан*, конечно же, свидетельствует об особом внимании, уделяемом археологии в современной Японии[14], но также демонстрирует степень развития японской государствен-

---

[10] *Хирано Кунио, Ясутами Судзуки*. Моккан га катару кодайси. Токио, 1996. С. 2.

[11] *Farris W. W*. Sacred Texts and Buried Treasures: Issues in the Historical Archaeology of Ancient Japan. University of Hawaii Press, 1998. P. 202.

[12] *Хирано Кунио, Ясутами Судзуки*. Моккан га катару кодайси… С. 9.

[13] *Мещёряков А. Н., Грачёв М. В*. История древней Японии… С. 108.

[14] Подробнее см.: *Мещёряков А. Н*. Общественные сверхзадачи японской археологии // *Мещёряков А. Н*. Япония в объятьях пространства и времени. М., 2010. С. 188–199.

ности в VII–VIII вв. (причём основной массив *моккан* относится к VIII в.). Их находят на огромной территории от севера Хонсю до юга Кюсю, что позволяет судить об увеличении степени влияния правительства и центра на периферийные области государства, а также об уровне грамотности придворных чиновников. Данные *моккан* привлекаются для верификации сообщений государственных хроник, ранее служивших чуть ли не единственным источником информации о периодах Асука и Нара. Сведения, полученные из надписей на «деревянных дощечках», позволили исследователям восстановить характер отношений между центром и периферией в древней Японии, описать особенности налоговой системы, уточнить множество вопросов, связанных с номенклатурой государственного аппарата, административно-территориальным делением и даже процессом обучения грамоте.

Все *моккан* можно подразделить на несколько групп: сообщения (распоряжения и донесения, запросы об отправке налогов, объявления на дорогах и т. д.)[15]; товарные и налоговые бирки, содержавшие наименование товара и его количество; учебные тексты — деревянные таблички, ввиду возможности их повторного использования, задействовались чиновниками для отработки написания иероглифов и их запоминания. К концу VIII в., в связи с удешевлением бумаги, *моккан* практически перестают использоваться.

Моккан не предназначались для длительного хранения и отвечали повседневным нуждам функционирования государственного аппарата и информационного обмена между различными властными структурами, имея адресантом определённое учреждение или конкретного чиновника. Для VIII в., однако, актуальны также другие типы эпиграфики, далеко не всегда предназначенные для людского взора. Это стелы *исибуми* (碑) и эпитафии *боси* (墓誌), увековечивавшие память об отдельных людях и их достижениях, либо имевшие целью обеспечение лучшего обустройства покойного в загробном мире.

Первые каменные стелы *исибуми* появляются в Японии в VII в. Самая ранняя стела, Удзибаси дамби, датирована 646 г. и найдена в городе Удзи, что рядом с Киото. Текст, состоящий из 96 иеро-

[15] *Мещёряков А. Н., Грачёв М. В.* История древней Японии… С. 110.

глифов, повествует о сооружении моста монахом по имени Дото[16]. Стела имеет целью увековечивание благого деяния монаха. К 681 г. относится сооружение первой могильной стелы в Японии — Яманоуэ-но хи, найденной в городе Такасаки, на территории современной префектуры Гумма[17]. Текст из 53 иероглифов нанесён в 4 вертикальные строки на камень, имеющий в высоту 120 см и в ширину 50 см. В тексте говорится, что стела была сооружена монахом по имени Тёри в память об его умершей матери Куромэтодзи. Этими двумя памятниками стелы *исибуми* VII в., собственно, и исчерпываются. Основной массив *исибуми* японской древности приходится на VIII в. — 13 памятников подобного типа[18]. Помимо могильных стел, для VIII в. характерно также наличие каменных указателей, маркирующих границы дальних провинций (Тагадзёно хи, 762 г., территория современной префектуры Мияги)[19].

Если стелы *исибуми* появляются ещё в VII в., то относительно традиции изготовления эпитафий *боси*, которой мы уделим основное внимание в данной статье, есть все основания полагать, что существовала она лишь в VIII в. *Боси* — это особый вид могильных надписей, которые наносились не на каменные или деревянные могильные стелы, а гравировались на сосудах с прахом и костными останками или специальных табличках, помещавшихся непосредственно в могилу. Слово «эпитафия» употребляется нами в двух значениях: табличка или урна с нанесённым текстом и собственно текст эпитафии. Обычай составления эпитафий в Японии имеет китайские корни. Прямым прототипом *боси*, возможно, послужили *майдицюань* (яп. *байтикэн*, 買地券, досл.: «свидетельство о покупке земли»), надписи на камне или металле, содержавшие текст договора с богами загробного мира о переходе участка земли, на котором располагалась могила, в вечное владение покойного. Подобный обычай был распространён в народных верованиях Китая, также прослеживается и в Пэкче, одном из древних корейских государств, служившем основным «поставщиком» китайской культуры в

[16] Кодай-но исибуми. Токио, 1997. С. 8.
[17] *Там же*. С. 119.
[18] *Там же*. С. 7.
[19] *Там же*. С. 14–16. Перевод надписи данной стелы см. в Приложении 2 настоящей работы.

Японию[20]. К настоящему моменту обнаружено 16 образцов данного вида погребальных надписей[21].

Самую раннюю датировку имеет эпитафия Фунэ-но Ого (668 г.)[22], однако это не дата составления эпитафии, а год перезахоронения чиновника. Анализ текста эпитафии позволяет утверждать, что табличка была изготовлена не ранее начала VIII в. То же самое можно сказать и про эпитафию Оно-но Эмиси, которая считается второй по древности[23]. В японских работах, посвящённых *боси*, наблюдается непоследовательность при датировке эпитафий. Для одних в разделе «Дата» действительно приводится дата изготовления эпитафии (например, эпитафия Ки-но Ёсицугу), для других — дата смерти покойного (Ямасиро) или указывается дата похорон (Фунэ)[24], что позволяет японским историкам несколько удревнить традицию *боси*. Самая поздняя эпитафия (Ки-но Ёсицугу) изготовлена в 784 г. Таким образом, традиция изготовления *боси* началась и угасла, на наш взгляд, в VIII в.

Считается, что в Китае расцвет *боси* приходится на время правления династии Цинь (265–420 гг. н.э.) и связан с запретом на установку погребальных стел, введённом в 278 г. После этого тексты стали наноситься на погребальные сосуды и таблички, а классические образцы китайской эпитафии подобного рода относят к династии Северная Вэй (386–534 гг. н.э.). Эпитафии в Китае наносились на квадратные таблички, размеры которых зависели от положения чиновника: чем выше была должность, тем большим был размер эпитафии. В Японии не наблюдается зависимости между размером эпитафии и прижизненным положением покойного — все таблички имели прямоугольную форму и скорее напоминали таблички с указанием ранга и должности, которые предъявлялись при входе на территорию государева дворца, на основании чего можно сделать некоторые выводы об их предназначении. В 701–702 гг.

---

[20] Нихонси кодзитэн. Токио, 1997. М. 1726.

[21] См. Приложение 1 настоящей работы. Перевод всех 16 эпитафий см.: *Родин С. А.* Японские эпитафии-боси (VIII в.) // История и культура традиционной Японии. Вып. 2. М., 2011. С. 70–130.

[22] См. Приложение 2 настоящей работы.

[23] *Коидзуми Р.* Мэйбун-то Исибуми. Котоба-то модзи // Нихон-но кодай. Т. 14 / Под ред. Киси Тосио. Токио, 1996. С. 567.

[24] *Там же*. С. 568–569; Кодай-но боси. Кокуси дайдзитэн. Токио, 1991. С. 713.

в Японии вводится в действие свод законов «Тайхорё», 26-я статья которого регламентировала похороны и проведение погребальных обрядов чиновников. Право на сооружение могильных холмов и установку стел сохранялось лишь за очень узким кругом высшего чиновничества. Считается, что в Японии вышли из сложившегося положения тем же способом, что и в Китае — стали класть таблички с текстами в могилы. Гипотеза выглядит правдоподобной, однако она основана только на анализе характера социальных взаимоотношений чиновников и государства, регулируемых законодательством, и игнорирует тот факт, что стелы и *боси*, несмотря на внешнее сходство текстов — краткие биографические сообщения, зачастую касающиеся только чиновничьей карьеры, — во-первых, по-разному функционировали; во-вторых, отражали не только государственные установки, но также несли печать религиозных представлений и верований. Стелы устанавливались рядом с могильными курганами, и текст был доступен для прочтения, т. е. его адресатом был человек. *Боси* же для людских глаз не предназначались и имели адресатом обитателей загробного мира. Вдобавок, сокрытие текста позволяло зафиксировать ту информацию, которая по политическим соображениям не могла найти отражения в государственных хрониках. Появление *боси* в Японии, на наш взгляд, было обусловлено несколькими факторами, среди которых выделяются религиозный и прагматический.

Общепринятым считается мнение, что в Японии VIII в. происходило взаимодействие нескольких религиозных традиций, каждая из которых имела собственную концепцию смерти и посмертного существования. Согласно верованиям синтоизма, покойный становился божеством *удзи-гами*, частью семейного пантеона, и осуществлял защиту и покровительствовал своему роду. *Удзи-гами* мог стать любой человек, независимо от моральных качеств или прижизненных достижений. Буддизм, пришедший на архипелаг в середине VI в., выдвигал требования «правильной» жизни и «правильной» смерти для желающих попасть в лучший мир или же выйти за пределы дурной бесконечности перерождений. Помимо буддизма и синтоизма, усматривается влияние конфуцианства и даосизма на религиозные представления, бытовавшие в Японии рассматриваемого периода. Конфуцианство постулировало

идею сыновней почтительности *сяо*, которая неплохо сочеталась с синтоистским культом предков, устанавливало требование проведения похорон и траура согласно ритуалу, однако основная цель этого хорошо видна из девятого *чжана* первой главы «Лунь Юй», «Бесед и суждений» Конфуция: «Соблюдая траур и помня о тех, что ушли раньше, ты укрепляешь в народе добродетель»[25], — на первый план выходят политические мотивы управления народом и использование с этой целью, помимо прочего, погребальной практики. Вера в божественность стихий в даосизме перекликалась с верой в богов *ками* в Японии. Недаром предтечей эпитафий *боси* называют указанные выше *майдицюань*, адресованные даосскому божеству земли.

Прагматический фактор, мотивирующий составление эпитафий, вытекает напрямую из фактора религиозного. Можно придерживаться тех или иных верований и выполнять те или иные предписания как из идейных соображений или, не предаваясь рефлексии, будучи воспитанным в определённой среде и воспринимая существующие предписания как должное, так и делать это с расчётом на получение неких благ. Как пишет А. Н. Игнатович: «В Японии в первые столетия истории буддийской религии сутры <…> воспринимались менее всего как «хранилище» буддийского учения: их воспринимали как «инструмент достижения пользы в этом мире», т. е. реализации принципа *гэндзэ рияку*, определявшего одну из главных особенностей японского буддизма вообще»[26].

Будда был воспринят как один из сонма синтоистских божеств. Считалось, что совершение определённых действий по отношению к нему может принести пользу.

Распространение эпитафий совпадает по времени с распространением на территории архипелага обычая трупосожжения, который прочно ассоциируется с буддизмом. Законодательством даже устанавливается необходимость кремации в отношении определённого круга покойных. Тринадцать из шестнадцати рассмотренных эпитафий были найдены в могилах с кремированными останками. Относительно захоронения Ки-но Ёсицугу нет данных, Фунэ-но

[25] *Конфуций*. Лунь Юй (Суждения и беседы). Пер. и коммент. Л. С. Переломова. М., 2001. С. 4.

[26] *Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987. С. 23.

Ого и Оно-но Эмиси были похоронены ещё в VII в., т. е. до того, как трупосожжение становится распространённой погребальной практикой среди японцев.

В чём взаимосвязь буддизма, не игравшего такой значительной роли в жизни Китая и, судя по всему, не являвшегося там причиной появления *боси*, и эпитафиями Японии? В Китае продвижение буддизма затруднялось, в частности, из-за кремации: по конфуцианским нормам, кремировать — значит проявлять неуважение по отношению к телу предка. В Японии новая религия с такой проблемой не столкнулась, но, похоже, японцев всё же смущало, что плоть обернётся прахом, и тогда понадобились её ритуальные заместители. По мнению автора, традиция изготовления *боси* получила распространение не столько благодаря буддизму, сколько вопреки ему, смешавшись с традиционными представлениями о взаимоотношениях тела и души, причём данное утверждение кажется справедливым и по отношению к японским буддийским монахам. Таблички и погребальные урны изготавливались в основном из бронзы, т. е. твёрдого материала, и могли служить заменой телу, поглощённому погребальным костром. Для того чтобы душа погибшего вселилась в табличку или сосуд, необходимо нанести имя покойного, а имя — обязательный компонент всех представленных текстов.

Помимо указания посмертного и родового имени покойного, «идеальная» эпитафия, независимо от того, кому она была посвящена[27], должна была включать следующие компоненты: время рождения (точное, через указание года, или примерное — через привязку времени рождения к правлению того или иного государя); генеалогические данные; родовые владения; достижения на службе (ранги и должности); личная характеристика; возраст; дата и место смерти; дата похорон и место захоронения; выражение скорби или заклинательная формула об испрошении покоя для потомков, самого покойного либо его могилы; дата изготовления эпитафии; автор эпитафии.

[27] Эпитафии можно, с одной стороны, подразделить на эпитафии монахов (2 текста) и чиновников (14 текстов), с другой, на мужские эпитафии (10 текстов), женские (2 текста) и эпитафии, предназначенные для помещёния в совместное захоронение супругов (2 текста).

Последний пункт явно присутствует только в эпитафии Гёки, косвенно — в эпитафии Симоцумити. Скорее всего, текст подписывался, чтобы у покойного был поручитель, ответственный за истинность сообщаемого в эпитафии. Указание генеалогических данных имело целью определить место покойного в структуре рода. Указание основателя рода — возможно, обращение к его духу с целью защиты прибывшего в загробный мир.

Указание супружеского родства встречается дважды, исключительно в случае совместного захоронения супругов. При этом указываются генеалогические данные и мужа, и жены. Объяснить это можно тем, что мужья и жёны принадлежали к разным родам, у каждого из которых был свой *удзи-гами*, и отвечать он, по определению, мог только за своих потомков. Указание родовых владений может служить, во-первых, ориентиром для души покойного, во-вторых, закреплять за этими землями статус владений рода на многие поколения. Указание служебных достижений связано с представлениями о потустороннем мире как продолжении мира посюстороннего, с сохранением иерархических отношений. В том числе по этой причине было так важно указать имя государя, при котором покойный получил то или иное назначение — это служило залогом продолжения прежних отношений и было нацелено на сохранение за покойным прижизненных привилегий.

Личные характеристики, формулировки которых чаще всего заимствовались из китайских сочинений, должны были обеспечить благополучное пребывание покойного в загробном мире и показать отношение потомков к почившему. Последняя цель также преследуется выражением скорби по поводу смерти и помещённым формулы-заклинания.

Тексты имеют большую историческую ценность: данные эпитафий считаются более достоверными, чем данные государственных хроник. Особенно это касается приводимых датировок: эпитафиям доверяют в силу их большей синхронности описываемым событиям.

Эпитафии имеют строгую формульность, в них присутствуют обязательные компоненты, каждый из которых имеет определённое назначение, поэтому анализ текстов эпитафий может позволить пролить свет на идейные, идеологические и аксиологические установки составителей.

Подводя итоги, скажем, что эпиграфика в Японии VIII в. носила массовый характер и была распространена на всей территории, подведомственной японскому государству. Японская эпиграфика имеет прототипом материковые (китайские и корейские) образцы, что не лишает её собственной специфики. Эпиграфика использовалась как для удовлетворения повседневных нужд, обеспечивавших функционирование государственного аппарата, и в этом случае для нанесения надписей использовался менее долговечный и более удобный материал (древесина), так и в ритуальных целях — тогда задействовался более долговечный материал (камень, бронза). Как появление, так и исчезновение различных типов эпиграфических источников обусловлено конкретными историческими факторами, имеющими отношение к изменениям в сфере как материальной, так и духовной культуры. Японская эпиграфика — ценнейший источник, который ещё долго будет питать исследователей древности.

Эпитафии *боси*: сводная таблица

Имя	Датировка, г.	Дата находки эпитафии	Тип поверхности, материал	Размеры (длина и ширина, см)	Тип захоронения
Фунэ-но Ого	(668) / нач. VIII в.	(XVII в.)	табличка, бронза	29,8x6,9	ингумация, совместное захоронение
Оно-но Эмиси	(677) / нач. VIII в.	1613	табличка, позолоченная бронза	58,9x5,9	ингумация
Фуми-но Нэмаро	(707)	1831	табличка, бронза	26,2x4.3	кремация
Ина-но Омура	(707)	1764–72	урна, позолоченная бронза	24,2 (высота)	кремация
Симоцумити	708	1699	урна, бронза	23,1 (высота)	кремация
Ихокибэ-но Токотарихимэ	710	1774	урна, бронза	17,1 (высота)	кремация
Дояку (монах)	(714)	1958	табличка, серебро	13,7x2,3	кремация
Оо-но Ясумаро	(723)	1979	табличка, бронза	29,1x6,1	кремация
Ямасиро-но Масака	(728)	1952	табличка, позолоченная бронза	27,9x5,7	кремация, совместное захоронение

Имя	Датировка, г.	Дата находки эпитафии	Тип поверхности, материал	Размеры (длина и ширина, см)	Тип захоронения
Охарида-но Ясумаро	729	1912	табличка, позолоченная бронза	29,7x6,3 (основная табличка)	кремация
Мино-но Окамаро	730	1872	табличка, бронза	29,7x20,9	предположительно, кремация
Гёки (монах)	749	1235	урна (фрагмент), позолоченная бронза	10,6 (фрагмент урны)	кремация
Исикава-но Тоситари	(762)	1820	табличка, позолоченная бронза	29,7x10,4	кремация
Удзи-но Сукунэ	(768 либо 705)	1917	табличка (фрагмент), бронза	9,3 (фрагмент)	кремация
Такая-но Хирахито	(776)	1744	табличка, камень	26,2x18,7	предположительно, кремация
Ки-но Ёсицугу	784	(Эдо)	табличка, глиняный кирпич	25,3x15,7	н/д
Итого	нач. VIII в. — 784 г.	Первая: 1235 Последняя: 1979	Бронзовых табличек: 10 Урн: 4 Каменная табличка: 1 Кирпичная табличка: 1	Наибольш.: 58,9x5,9 Наименьш.: 13,7x2,3	Кремация: 14 (12) Ингумация: 2

Приложение 2

Образцы основных видов эпиграфических источников VIII в.

1. Моккан

Рис. 1. Налоговая бирка. 734 г. Город Нара

1. Налоговая бирка (Рис. 1). Место находки: город Нара. Длина 18,9 см, ширина 2,4 см. Датировка: 734 г. Текст нанесён с двух сторон.

Текст:

紀伊国伊都郡指理郷白米五斗・○天平六年三月

Перевод:

Провинция Кии, уезд Ито, село Сири. Белый рис — пять то. Шестой год Тэмпё, третья луна.

Примечания:

Данная табличка являлась налоговой биркой, обозначавшей количество и тип налоговой дани, преподнесённой селом Сири (современная префектура Вакаяма, юго-восток Хонсю) в пользу правительства. Согласно административно-территориальному делению периода Нара, вся Япония делилась на 7 больших округов, в состав которых по принципу территориальной близости включались провинции. Провинции, в свою очередь, делились на уезды, которые состояли из определённого количества сёл, сформированных из дворов. Налоговое бремя предполагало трудовую повинность, налог местным продуктом и рисовый налог. Данный моккан — свидетельство выплаты рисового налога белым (обрушенным) рисом. То — мера объёма, для периода Нара составляла 10,5 л. Шестой год Тэмпё соответствует 734 г.

2. Учебный моккан (Рис. 2). Место находки: город Нара. Длина 17,9 см, ширина — предположительно, 4 см. Датировка: VIII в. Текст нанесён с одной стороны, в 2 строки.

Рис. 2. Учебный моккан. VIII в. Город Нара

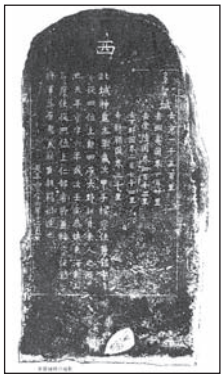


Рис. 3. Стела крепости Тага

Текст:
売売売売売＼買買買買買買
Перевод:
продавать, продавать, продавать, продавать, продавать / покупать, покупать, покупать, покупать, покупать, покупать.
Примечания:
На данной табличке японский чиновник практиковался в написании иероглифов «покупать» и «продавать». Помимо отдельных знаков, часто на дощечках моккан записывались также и целые тексты, предназначенные для запоминания, например, стихотворения. Чиновники могли использовать моккан как своеобразные шпаргалки на придворных церемониях, во время которых полагалось слагать стихотворения.

2. Исибуми

1. Стела крепости Тага (Рис. 3). Место находки: северо-восток Хонсю, префектура Мияги, город Тагадзё. Высота 186 см, ширина 50 см. Датировка: 762 г. Текст нанесён с одной стороны, в 12 строк.

Текст:
去京一千五百里
多賀城
去蝦夷国界一百二十里
去常陸国界四百十二里
去下野国界二百七十四里
去靺鞨国界三千里
西　此城神亀元年歳次甲子按察使兼鎮守府将軍従四位上勲四等大野朝臣東人之所置也天平宝字六年歳次壬寅参議東海東山節度使従四位上仁部省卿兼按察使鎮守府将軍藤原恵美朝臣朝狩修造也
天平宝字六年十二月一日

Перевод:

Удалённость от столицы — 1500 ри.

Крепость Тага.

Удалённость от границы страны эмиси — 120 ри.

Удалённость от границы провинции Хитати — 412 ри.

Удалённость от границы провинции Симоцукэ — 274 ри.

Удалённость от границы страны мукри – 3000 ри.

Запад. Эта крепость в первый год Дзинги, в год киноэ нэ, адзэти, по совместительству тиндзюфу

Военачальником младшего 4 ранга верхней ступени, наградного ранга четвёртой степени Оно-но Асоми Адзумабито была заложена.

В шестом году Тэмпёходзи, в год мидзуноэ тора, государственный советник, наместник округов Токайдо и Тосандо

Младшего четвёртого ранга верхней ступени, министр народных дел, по совместительству адзэти и тиндзюфу, военачальником Фудзивара-но Эми Асоми Асакари была восстановлена.

Первый день двенадцатой луны шестого года Тэмпёходзи.

Примечания:

Текст увековечивает благие деяния двух чиновников — Оно-но Асоми Адзумабито, построившего крепость, и Фудзивара-но Эми Асоми Асакари, осуществившего её ремонт. Стела служила также для разметки пространства, о чём говорит указание расстояния от крепости Тага до различных земель, находившихся от неё по четырём сторонам света. Столица (Нара) выделена как начальная точка отсчёта, сакральный центр Японского государства. Стела обращена на запад, на что также есть указание в тексте. Ри — мера длины, для периода Нара равная 462 м. Эмиси — так в традиционной Японии называли айнов, населявших север Хонсю и юг Хоккайдо. Крепость Тага была сооружена как раз для борьбы с эмиси. Провинции Хитати и Симоцукэ соответствуют современным префектурам Ибараки и Тотиги (северо-восток Хонсю). Под страной мукри имеется в виду северо-восточная территория Китая, где проживал народ мукри, предки чжурчжэней. Первый год Дзинги — 724 г. Адзэти и тиндзюфу — должности военных наместников и инспекторов округов, обладавших широким спектром полномочий. Шестой год Тэмпёходзи — 762 г.

3. Боси

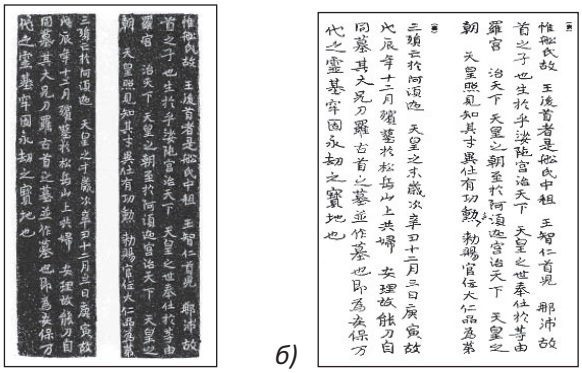
1. Эпитафия Фунэ-но Ого (Рис. 4).

Текст:

推船氏故　王後首者是船氏中祖　王智仁首児　那沛故首之子也生於乎娑陀宮治天下　天皇之世奉仕於等由羅宮　治天下　天皇之朝至於阿須迦宮治天下　天皇之朝　天皇照見知其才異仕有功勲　勅賜官位大仁品為第三殯亡於阿須迦　天皇之末歳次辛丑十二月三日庚寅故戊辰年十二月殯葬於松岳山上共婦　安理故能刀自同墓其大兄刀羅古首之墓並作墓也即為安保万代之霊基牢固永劫之宝地也

Перевод:

Господин Фунэ-но Ого обито из рода Фунэ. Его отец, Нахэконо обито, был сыном Вана Сини обито. [Ого] родился в правление государя, правившего Поднебесной из дворца Осада, находился на службе с правления государыни, правившей Поднебесной из дворца Тоюра, по правление государя, правившего Поднебесной из дворца Асука. Государь узнал о его необычайных способностях и заслугах и пожаловал ему ранг дайнин, третий ранг. Умер в последний год правления государя Асука, в год каното уси [641 г.], в двенадцатой луне, третьего дня каноэ тора. В год цутиноэ тацу [668 г.], в двенадцатой луне был похоронен вместе с супругой Ариконотодзи на горе Мацуока. Его могилу построили рядом с моги-



а) *б)*

Рис. 4. Эпитафия Фунэ-но Ого: а) фото; б) прорись

лой его старшего брата Торако-но обито. Да будет основа духа в десять тысяч поколений защищена и спокойна, а вечная драгоценная земля крепка!

Примечания:

Обстоятельства и точная дата находки эпитафии неизвестны. Сообщается, что табличка была найдена в XVII в. на горе Мацуока (район совр. Осака) и долгое время хранилась в храме Сайриндзи. На горе Мацуока, скорее всего, располагалось фамильное кладбище рода Фунэ. Текст выгравирован на бронзовой тонкой прямоугольной табличке размерами 29,8 см в длину и 6,9 см в ширину, с обеих сторон. Текст состоит из 162 иероглифов, распределённых в восьми вертикальных строках, по четыре строки на каждой из сторон таблички. Иероглифы нанесены неравномерно — между символами одной строки встречаются промежутки, дабы выделить особенно важную информацию — имена покойного, его родственников и слово тэнно, «государь». В эпитафии сообщается время рождения, генеалогические сведения (отец и дед), служебные достижения, личные качества, дата смерти, дата и место похорон покойного. Заканчивается текст формулой-заклинанием, направленной на сохранение в целости могилы Ого. «Основой духа» и «драгоценной землёй» в тексте названа могила чиновника и его супруги.

Summary
S. A. Rodin

Epigraphy of Ancient Japan (the VIII century)

Article is devoted to the description of the main types of epigraphic materials, typical for ancient and early medieval Japan. These are wooden tablets mokkan, stone steles ishibumi and epitaphs boshi. Their distribution and functioning is in many respects connected with state activity. The use of epigraphy was a necessary component of information exchange and was applied in the practical activities connected with service of such daily needs of the state apparatus as the maintenance of efficiency of the tax system, transfer of orders from the capital to

peripheral provinces and submission of applications and reports of one department to another. However epigraphy served not only for information transfer in spatial, but also in temporal coordinates — epitaphs boshi and steles ishibumi were urged to immortalize memory of the outstanding representatives of a noble family. Messages of epitaphs often differ from the data of official documents and the state chronicles, and therefore represent extremely valuable material for the reconstruction of historical realities of the Nara period.